

плотные ткани с блестящими красивыми пурпурными полосами, расположенными продольными группами или пересекающимися лучеобразно. Эти ткани, главным образом из восточной Болгарии, предназначаются в основном для производства женской одежды, частично для мужского костюма, сумок, заплочных мешков. Среди тканей с линейным орнаментом встречается и «расписная» шерстяная материя, приятное сочетание цветов и оттенков которой радует взгляд. Тут же были экспонированы грубые холщевые ткани из кукурузного волокна, дающие наглядный пример успешного сочетания легко получаемого сырья с желанными качествами материи. Светлые кукурузные волокна перемежаются с шерстяными или хлопчатобумажными нитями, сверкающими золотыми оттенками, производя яркое впечатление. Плащ пастуха из высокогорных скотоводческих областей дает образец непромокаемой материи, ценное качество которой приобретает за счет волокон козьей шерсти. Верхняя мужская одежда дает наглядное сочетание эластичности и прочности, необходимых в трудовой деятельности. Красивые ковры, подушки, ковровые ткани обладают прекрасной теплосохранностью. Выставлены были и четырехцветные ткани, представляющие собой образец умелого сочетания разнообразных цветов и оттенков. Это — одеяла, полотенца, одежда новой ткацкой техники «наводки», которая характеризуется равномерным распределением рельефно очерченных геометрических фигурок. Результатом сложнейшего ткачества по способу «перебора доски» являются многоцветные или двухцветные орнаментированные ткани с мелкими геометрическими мотивами. Высшим достижением болгарского ткацкого искусства являются «пестрые» ткани. Сложные композиции графического и художественного орнамента, плоского или рельефного, достигаются путем умелого переплетения разноцветных шерстяных ниток, при котором каждая деталь получает самостоятельное очертание. Такие ткани, раскрывая высокую одаренность болгарского народа в создании орнамента, получают большое практическое применение. Они носят преимущественно декоративный характер и применяются при отделке костюмов, обивке мебели, драпировке комнат. Выставлены были подушки, покрывала, усыпанные цветными рисунками, изобилующие красками, а также ковровые ткани «кори» с линейным или геометрическим рисунком. Выделялись пояса из Софийской области, представляющие собой комбинацию ткачества и вязания. Наряду с шелковыми тканями, больше всего распространенными в северной Болгарии, выставлены были ковры. В коврах старой техники (некоторые из них насчитывают почти двухсотлетнюю давность) преобладают мягкие цвета, очень тонко очерченные человеческие фигуры, композиции птиц и растений. Выставлены были и ковры современного производства — котленские, чипровские, пиротские, отображающие локальные особенности некоторых областей. Наибольшее внимание привлекли коллекции полотенцев, которыми был занят целый зал. Обычно вышиваются только концы полотенца. В вышивках раскрывается целый мир растений, человеческих, животных и птичьих фигур. Часто встречаются изображения коников, фантастические фигуры птиц, символические композиции, как, например, древо жизни. Помимо вышивки орнамент исполняется и ажурным ткачеством, давно применяемым у населения, главным образом, северо-восточной Болгарии. В заключение на выставке были представлены старинные «затканые вышивки», называемые так из-за большого сходства с вышивкой. Такие нежно затканые и богатые колоритом орнаменты украшают подолы женских рубашек из Фракии и головные повязки из сель центральных районов Старой Планины.

Несмотря на ограниченность помещения, прекрасные экспонаты привлекли большое число посетителей. Можно сказать, что цель выставки во многом достигнута. Болгарские ткани своими качествами привлекли внимание современных работников текстильной промышленности, художников, ремесленников, хозяйственных деятелей. По их инициативе была созвана конференция, на которой обсуждались мероприятия по внедрению свойств народных тканей в современное ремесленное и промышленное текстильное производство с целью скорейшего создания высокохудожественных, пригодных в современных условиях жизни национальных болгарских тканей.

Мария Велева

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

15 июня 1948 г. защитил докторскую диссертацию старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР А. Ф. Анисимов. Диссертация его, озаглавленная «Вопросы генезиса религии эвенков», представляет собой историко-этнографическую монографию, посвященную исследованию комплекса вопросов, связанных с ранними формами религиозных представлений у народов Сибири. Первая часть работы отведена описанию верований эвенков и определению их места в истории первобытной религии; вторая часть содержит палеонтологический анализ и опыт исторической реконструкции религии этого народа. Текст работы сопровождается большим количеством иллюстраций, в том числе оригинальными рисунками самих эвенков.

Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук М. О. Косвен, А. П. Окладников, Л. П. Потапов и чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих. Проф. М. О. Косвен указал на крупное научное значение обсуждаемой работы, автору которой удалось успешно разобраться в крайнем обилии и сложном переплетении

религиозных представлений эвенков и наметить историческое соотношение и развитие различных форм их религии. Автор конкретно показал, как на общепантеистической основе, составляющей господствующее содержание религии эвенков, последняя развилась из своих начальных истоков — магии и тотемизма, достигнув сравнительно высокой ступени, воплощенной в сложном пантеоне духов и божеств, расположенных по трем кругам — верхнего, среднего и нижнего мира. Ценную часть исследования, по мнению оппонента, составляет демонстрация тотемистического в своих истоках и в своем существе шаманства. Большой интерес представляет проникающий все исследование показ развития религии эвенков как религии материнско-родового общества, превращающейся, с превращением матриархата в патриархат, в религию патриархально-родового общества, носящего в себе уже формы классовых отношений. Прделанная А. Ф. Анисимовым работа, таким образом, имеет существенное значение для советской науки о первобытном обществе. А. П. Окладников отметил большой интерес, который представляет обсуждаемая работа для исследователей древней культуры и ранней истории народностей Северной Азии. Собранный диссертантом материал, относящийся к истории религии этих народностей, имеет большое значение и для правильного понимания других сторон их жизни, в особенности социального строя, ибо религиозные верования являются хотя и фантастическим, но очень ярким отражением реальных отношений. В свете собранных А. Ф. Анисимовым данных впервые поддается расшифровке ряд древних наскальных изображений, ключ к пониманию смысла которых, казалось, был утерян. Обсуждаемая работа, основанная на материале, в значительной степени ранее не известном науке, дает возможность восстановить древние верования и космогонические представления предков эвенков, живших в Прибайкалье за 3—4 тысячи и более лет назад. Очень удачно привлечены автором источники особого рода — собственноручные зарисовки информаторов-эвенков к передаваемым им текстам; острая графическая выразительность и богатство подробностей делают эти рисунки первоклассными документами для изучения древнего мировоззрения эвенков. Интересно совпадение этих рисунков в манере стилизации и исполнения с наскальными изображениями долины р. Лены. Автор, сказал далее А. П. Окладников, поставив перед собой задачу исследования религии эвенков не в узко описательном, а в генетическом плане, неизбежно вышел за рамки эвенкийской и сибирской этнографии, более того — за пределы собственно религиозных верований, в область общепантеистических проблем, в историю первобытного мышления, в историю человеческого сознания и речи вообще. Здесь автор показал себя убежденным последователем диалектико-материалистической методологии и в ряде случаев сказал новое слово в области затронутых им общих вопросов, хотя некоторые его положения носят дискуссионный характер. Л. П. Потапов охарактеризовал вкратце содержание работы по ее разделам, подчеркнув, что научное значение ее выходит далеко за рамки собственно эвенкийского материала, поскольку исследуемые автором ранние формы верований широко распространены и типичны для многих других народов как в Сибири, так и за ее пределами. Исходя из собранного им богатейшего конкретного материала, автор разработал стадиальную классификацию этих верований, выявив наиболее архаические их элементы в виде охотничьих магических обрядов, явившихся основой возникновения тотемистических церемоний. Тотемистические же представления эвенков, как показал автор, развиваются уже позднее, с развитием у них родовой организации — как превратное отражение родовых связей. В своей концепции в этом вопросе А. Ф. Анисимов разделяет принятый советскими этнографами взгляд о связи тотемизма с архаической формой рода. Оппонент подчеркнул историко-материалистическую основу концепции диссертанта, выгодно отличающейся в этом отношении от взглядов некоторых исследователей, например, Д. К. Зеленина, который хотя и писал о тотемистическом происхождении религиозных верований народов Сибири, но подошел к решению этих вопросов с идеалистических позиций. Теоретические выводы А. Ф. Анисимова наносят удар по концепциям буржуазных ученых и устанавливают приоритет и главенствующее положение советской науки в решении указанных вопросов. Однако сам диссертант обходит это молчанием, не заостряя внимания на критике взглядов буржуазных исследователей, что является существенным минусом в работе. Из своей концепции тотемизма диссертант выводит и генезис шаманства в результате трансформации тотемистических культов и постепенного выделения из общества специалиста-шамана. Выяснив семантику некоторых шаманских атрибутов и показав эволюцию шаманского обряда, автор уделит специальное место рассмотрению социального положения и роли шамана у эвенков как в отдаленные времена, так и позднее, вплоть до революции. Однако здесь А. Ф. Анисимов не вскрыл самого главного — эксплуататорской роли шамана. Не показана его подлинная роль и в родовом обществе. В блестяще данном диссертантом описании шаманского камлания сквозит, по мнению Л. П. Потапова, некоторая идеализация шамана, навеянная, повидимому, народническими настроениями, оставившими свой глубокий след в русской этнографической литературе, особенно по народам Сибири. Чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих центрировал свое внимание на лингвистической стороне разбираемой диссертации. Как особое ее достоинство он отметил то, что автор на богатейшем этнографо-лингвистическом материале сумел еще раз показать правильность положений Н. Я. Марра, касающихся первобытного мышления. Диссертант хорошо показал

порочность идеи Леви-Брюля о предшествовании дологического мышления логическому, мистического — практическому. Указав на спорность отдельных положений диссертанта, в частности, в вопросе о датировке возникновения мировоззренческих институтов и в лингвистическом анализе некоторых понятий, — оппонент подчеркнул, что эти дефекты легко устраняемы при дальнейшей работе над темой и не могут умалить общей высокой оценки обсуждаемой диссертации.

К минусам работы оппоненты отнесли отсутствие историографической части и недооценку диссертантом вклада предшествующих исследователей в разработку вопросов истории религии. М. О. Косвен указал на недостаточность последовательно проводимую диссертантом увязку развития религиозных представлений эвенков с развитием материальных условий их жизни. Осталось не вполне ясным, по мнению оппонента, общее решение автором вопроса о сущности первобытной религии, в частности, о том, что представляет собой фетишизм. А. П. Окладников отметил отсутствие в ряде случаев точной документации исследуемых диссертантом фактов. Самая структура работы, распадающейся на две органически не слитые части, представляется оппоненту неудачной. Возражения со стороны оппонентов вызвали некоторые положения диссертанта по вопросам первобытного мышления. Хорошо показав логичность мышления предков эвенков, ссылаясь на их производственную практику, А. Ф. Анисимов не объяснил и недостаточно обосновал образность этого мышления. Осталось неясным, почему такое большое значение приобрел у эвенков полисемантический комплекс буга, анализу которого диссертант отвел центральное место во второй части своего исследования. По мнению Л. П. Потапова, интересные соображения диссертанта в этой части нуждаются в более основательном их подкреплении.

Выступивший на диспуте проф. С. А. Токарев остановился на некоторых положениях диссертанта, которые представляются ему спорными или недостаточно обоснованными. А. Ф. Анисимов, по его мнению, переоценивает значение эвенкийского материала, исходя из которого он считает возможным ставить и разрешать общие принципиальные вопросы происхождения религии. С этим связана и трактовка диссертантом первобытного мышления, которую он обосновывает также эвенкийским материалом; С. А. Токарев считает это неправомерным, поскольку эвенки стояли на значительно более высокой ступени развития, чем первобытность. На диспуте выступил также секретарь Эвенкийского окружного комитета ВКП(б) тов. Увачан, указавший на заслуги диссертанта в поднятии культуры эвенкийского народа и на практическую ценность данной работы, которая должна оказать большую помощь в борьбе с остатками шаманизма. Вместе с тем тов. Увачан присоединился к некоторым замечаниям, высказанным оппонентами, и выразил пожелание о том, чтобы при дальнейшей работе была учтена необходимость довести исследование до современности, что придаст ему более действенный, наступательный характер. Директор Института этнографии проф. С. П. Толстов, присоединившись к данной оппонентами высокой оценке обсуждаемой диссертации, высказал пожелание о ее доработке для печати, для чего автору следует пересмотреть свои экскурсы в область общих проблем первобытной религии, акцентируя внимание на религии эвенков, и более четко противопоставить свой материалистический взгляд имеющимся в этом вопросе идеалистическим концепциям. Развернувшаяся на диспуте дискуссия, сказал проф. Толстов, показывает, с одной стороны, важность поставленной проблемы, с другой значимость обсуждаемой работы, которая дает бесспорное право на присуждение ее автору степени доктора исторических наук. А. Ф. Анисимову присуждена искомая степень.

21 декабря 1948 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук старшим научным сотрудником Института этнографии В. И. Чичеровым. В диссертации, носящей заглавие «Зимний период русского сельскохозяйственного календаря XVI—XIX вв.», исследуется комплекс проблем, связанных с данной темой, — вопросы циклизации русского сельскохозяйственного календаря, его особенности в зимний период производственной деятельности крестьянства, национальная специфика русского народного календаря, отличающая его от сельскохозяйственных календарей других народов; исследуются также особенности мировоззрения дореволюционного русского крестьянства на различных этапах развития народной идеологии. Официальные оппоненты — доктор филологич. наук проф. П. Г. Богатырев, доктор историч. наук Б. А. Рыбаков, доктор историч. наук Н. П. Гринкова — отметили как новизну постановки темы и методологических основ ее разработки, так и проявленную диссертантом эрудицию и овладение огромным материалом. Автор, сказала Н. П. Гринкова, начинает свою диссертацию с критической оценки работ ряда ученых, освещавших вопросы, связанные с сельскохозяйственным календарем, и показывает идеалистическую трактовку этого круга вопросов как представителями мифологической школы, так и различными течениями позитивистской буржуазной фольклористики. В противовес им диссертант строит свой анализ материалов на диалектико-материалистических основах и рассматривает русский народный календарь и связанный с ним фольклор как оригинальное, самобытное явление, порожденное земледельческим трудом, отразившее социальный строй и семейный быт русского народа и связанное с особенностями его истории. Автор обоснованно утверждает, что базой народного земледельческого календаря являются трудовые процессы, т. е. сельскохозяйственная деятельность, которая определяет собой

и строение самого календаря, и особенности календарного фольклора. Этот взгляд последовательно проводится автором на протяжении всей работы, что составляет большое ее достоинство. В работе убедительно показано, что культура народных масс, порожденная их трудом и на нем базирующаяся, отражает их стихийно-материалистическое мировоззрение, противостоящее мистицизму насаждавшегося на Русь христианства. В. И. Чичеров доказывает, что «православие было религией господствующих классов, и его канонические формы остались чуждыми русскому народу... Для народного аграрного календаря характерно не празднование памяти церковных святых, а бытовое осмысление этих праздников, прикрепление к дням, отмечаемым именами этих святых, указаний на сроки сельскохозяйственных работ». Своим исследованием, подчеркнул Б. А. Рыбаков, В. И. Чичеров окончательно рассеивает миф о мнимой религиозности русского крестьянства; в работе ярко показана многовекковая борьба последнего с официальной церковностью, показано, что христианская религия, по своим основным догмам чуждая трудовым народным массам, не входила органически в состав обряда, а, наоборот, переосмыслилась и своеобразно приспособилась к производственным процессам народных масс.

Замечания оппонентов касались в основном частных вопросов. Н. П. Гринкова выразила сожаление о том, что автор не отвел отдельной главы обзору, характеристике и критике источников и обошел вниманием такой важный вид источников, как музейные материалы; желательно было бы также, по мнению оппонента, шире использовать иконографический материал и памятники древнерусской письменности. Некоторые суждения автора, по существу глубоко справедливые, с точки зрения оппонента недостаточно раскрыты конкретным материалом и поэтому носят несколько декларативный характер. Так, например, обстоит дело с вполне правильным тезисом о том, что объединительная роль Москвы определила сохранение на ряд столетий в ее владениях традиционных черт местной культуры; здесь для выявления всего своеобразия московской культуры важно было бы в большей мере показать локальные черты, развивавшиеся на периферии Московского государства, в частности, следовало обратить большее внимание на его северо-западные окраины (Псков и Новгород), до второй половины XVI в. остававшиеся в стороне от развития среднерусского центра и продолжавшие свои древние традиции. Недостаточно раскрыты и исторические условия, способствовавшие разложению многих обрядов во второй половине XIX в.; отмечая это явление, автор не показал его обусловленности распадом большой семьи, процесс которого получил завершение именно в это время в связи с ликвидацией остатков феодализма, с ростом капитализации деревни, с развитием отходничества и т. д. Справедливо отмечая скептическое отношение русского народа к религиозным праздникам и святым, к служителям православного культа, и наряду с этим — наличие в составе некоторых народных обрядов элементов христианства, диссертант не раскрыл путей проникновения этих элементов в народные массы и недостаточно показал дохристианские пласты в этих обрядах. Б. А. Рыбаков указал, что *сопровождающую диссертацию карту распространения различного типа колодеж следовало бы сопоставить с картой ландшафта; это дало бы возможность выявить имеющиеся несоответствия*. Другие замечания оппонента относились к отдельным деталям работы. Выступивший в прениях проф. Е. В. Гиппиус с своей стороны подчеркнул ценность обсуждаемой диссертации, в которой поставленные проблемы исследуются с последовательно проводимых марксистских материалистических позиций. Стихийный материализм народных масс автор совершенно справедливо рассматривает как результат практического познавательного опыта трудового народа, не отожествляя его в то же время с наукой, как это делали некоторые исследователи. Выдвинутые автором положения имеют важное принципиальное значение, так как они наносят удар по столь живучим еще в этнографии представлениям о религиозном генезисе календарного фольклора. Оппоненты выразили пожелание о скорейшем опубликовании обсуждаемой диссертации, которая является ценным вкладом в советскую науку и окажет значительное влияние на дальнейшую разработку ряда вопросов русской этнографии и фольклористики. Автору присуждена степень доктора исторических наук.

21 декабря защищена кандидатская диссертация младшим научным сотрудником Института этнографии Г. П. Васильевой. Диссертация, называемая «Туркменское племя нохури», посвящена исследованию на материале этого племени проблем этногенеза туркмен. Как отметили официальные оппоненты — доктор историч. наук А. Н. Бернштам и кандидат историч. наук Т. А. Жданко, проблемы эти представляют большой научный интерес и исследование их имеет весьма актуальное значение. Туркмены, сказала Т. А. Жданко, дольше других народов, складывающихся в нацию в условиях советской власти, сохранили четкое родоплеменное деление как пережиток их прежней раздробленности. Наряду с общенациональными чертами культуры у большинства туркменских племен до сих пор можно наблюдать некоторые локальные, свойственные именно данному племени этнографические особенности. Углубленное изучение отдельных племен поэтому весьма важно, тем более, что имеющиеся в литературе описания страдают крайней неполнотой. Диссертантка на основе этнографических материалов, собранных ею лично в 1945—1946 гг., критически используя имеющуюся литературу, впервые подвергла углубленному анализу материальную и духовную культуру, общественные и семейные отношения изучаемого ею племени.

В итоге этого анализа Г. П. Васильева пришла к заключению о несомненной общности основных элементов культуры нохурцев и других туркменских племен, в особенности гекинцев. Это опровергает существующее в литературе мнение о том, что нохурцы якобы не туркмены, поскольку это «не огузовское» племя. Диссертантка выявила ряд специфических для этого племени черт (в частности, в одежде), свидетельствующих о связи определенных этнических пластов нохурцев с огузами и другими уже исчезнувшими народами; вместе с тем в работе прослеживаются связи туркмен с народами Поволжья; промежуточное звено в цепи этих связей, как считает Т. А. Жданко, следует видеть в культуре каракалпаков. Большой интерес, по мнению оппонента, вызывает данный диссертанткой анализ двух основных типов жилища нохурцев, соответствующий двум стадиям развития семьи — большой семье и совокупности близко родственных индивидуальных малых семей, имеющих каждая свой очаг, но живущих под одной крышей и не вполне еще утерявших некоторые обычаи большой семьи. Приведя примеры аналогичной формы домов, бытующих у каракалпаков и казахов Хорезма, Т. А. Жданко высказала предположение о существовании в Хорезме и Туркмении определенного типа жилых строений, соответствующего переходной стадии, связанной с распадом большой семьи. Диссертантка, по мнению оппонентов, успешно справилась с поставленными перед собой задачами, дав в своей работе много нового как в отношении метода, так и в части собранного ею полевого материала. К недочетам работы оппоненты отнесли неудачную структуру историографического введения, недостаточно углубленный анализ использованных источников и слишком обобщенные характеристики их. А. Н. Бернштам высказал ряд возражений по отдельным вопросам данного диссертанткой анализа материальной культуры нохурцев. Значительным минусом работы является то, что в ней недостаточно показано воздействие на нохурцев русской культуры, осуществлявшееся как непосредственно, так и через окружающие туркменские племена. Приветствуя привлечение диссертанткой материала по социалистической эпохе, А. Н. Бернштам вместе с тем отметил отсутствие сведений о классовой борьбе, развернувшейся в юхурских аулах, как и во всей Туркмении, в период строительства социализма. Оппоненты подчеркнули, что сделанные ими замечания отнюдь не умаляют ценности представленной работы, заслуживающей скорейшего опубликования и дающей бесспорное право присудить ее автору искомую степень. Г. П. Васильевой присуждена степень кандидата исторических наук.

15 марта 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию научный сотрудник Р. С. Липец. Темой диссертации избраны «Былины у промыслового населения русского севера XIX—XX вв.». Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук С. А. Токарев и кандидат филологич. наук (ныне доктор историч. наук) В. И. Чичеров. Работа основана на полевых материалах автора, собранных во время неоднократных экспедиционных поездок на Белое море, Северную Двину и в Новгород, на изучении опубликованных былинных текстов, рукописного архива экспедиции в Прионежье и этнографической литературы. Цель работы, как заявила диссертантка, — проследить отражение в северных былинах особенностей народного труда и быта, влияние экономических и социальных условий жизни, современной сказителю, на отбор былин, на осмысление их содержания, на их поэтическую сторону. Оппоненты напомнили о многолетней научной деятельности диссертантки в области фольклористики и этнографии и ее большом собирательском и исследовательском опыте, что позволило ей выбрать тему, совершенно не разрабатывавшуюся прежними исследователями русского эпоса, — тему о связи былин с культурой и бытом народа. Следуя традиции, идущей от великих русских революционных демократов, сказал С. А. Токарев, диссертантка подошла к былинному эпосу как к живому народному творчеству, в котором отразилось не только далекое прошлое, но и живая современность, чего не понимало большинство предшествовавших исследователей. Сторонники мифологической школы искали в народном творчестве обломков древних мифов, последователи школы заимствований заявляли об «усвоении русскими былинами иноземных бродячих сюжетов», представители исторической школы интересовались только отражением в эпосе отдельных исторических событий, лиц или черт жизни господствующих классов древней Руси. Задача советского исследователя, в понимании диссертантки, — подойти к русскому былинному эпосу не как к омертвевшему обломку седой старины, а как к полнокровному живому художественному творчеству и найти в нем отражение жизни народа — его создателя и хранителя, отражение его мировоззрения, психологии, его идеалов. Изложению конкретного материала по своей теме диссертантка предпослала историко-экономический очерк промыслового русского севера, необходимый для понимания того, что же именно отразилось на былинном эпосе в результате его бытования в данной севернорусской среде. Опираясь отчасти на исследования своих предшественников, особенно Гильфердинга и Маркова, сказал далее С. А. Токарев, диссертантка очень удачно выясняет причины особой живучести былин среди промыслового населения севера, в суровой трудовой жизни которого героические образы эпоса играли важную роль «воспитывающего средства». Автор правильно подчеркнул важность крестьянской интерпретации многих образов героев былин, чего не хотели видеть буржуазные исследователи. В. И. Чичеров отметил правильность основных положений диссертации. Р. С. Липец убедительно показала, как культура

древнего Новгорода распространялась на осваиваемых им землях, какую роль она играла в жизни населения. Очень ценен раздел диссертации, описывающий морские рыболовные и зверобойные промыслы. Убедительно доказывается значение былины как художественных произведений, воздействующих на сознание человека и воспитывающих в нем высокие моральные качества. Правильно и тонко вскрывается связь севернорусского эпоса с промысловой деятельностью населения. Неопровержим тезис о творческом отношении населения к хранимому им традиционному эпосу. Наряду с отмеченными достоинствами работы оппоненты высказали ряд замечаний по диссертации. С. А. Токарев отметил некоторую неполноту работы. Так, разбирая вопрос о женских образах и отражении женского труда в былинном эпосе, Р. С. Липец не ставит в более общей форме вопроса о той форме семьи, которая нашла свое отражение в былинах. Диссертантка обошла молчанием и вопрос о том, как отразились в былинном эпосе древние народные верования. Между тем этот вопрос очень интересен не только в связи с критикой построений мифологической школы, вышедшей в фольклоре не что иное как модификацию древних религиозно-мифологических верований, но и в связи с актуальной задачей современной науки — выяснить соотношение верований и народного творчества. Ибо одним из достижений советской фольклористики и этнографии является как раз утверждение самостоятельности народного художественного творчества, которое рассматривалось рядом предшествующих исследователей сквозь призму религии, мифологии, магии. Хотелось бы также найти в данной работе ответ на вопрос о том, как отразились в былинах представления севернорусского населения о соседних неславянских народах — карелах, ненцах и других. Диссертантка, вслед за Гильфердингом справедливо отмечая связь образа поленицы, «женщины-богатырки», с положением женщины в хозяйстве и быту северного населения, обходит вопрос о более глубоких исторических корнях этого образа, о его возможной связи с пережитками древнего матриархата, о чем в литературе высказывались разные взгляды. В. И. Чичеров отнес к недочетам работы недостаточное разграничение образов былинного эпоса, порожденных производственной жизнью севернорусского крестьянства, и образов, возникших еще в древней Руси и сохранившихся в XIX—XX вв. благодаря их соответствию чертам культуры и быта населения севера. Неоднократно подчеркивая значение лесных охотничьих промыслов для крестьянского населения русского севера, неоднократно упоминая о своеобразии земледельческого труда на севере, диссертантка не дала описания их, что было совершенно необходимо. Недостаточно четки оценки ошибочных положений дореволюционных русских ученых, в частности — представителей исторической школы, отрицавших народность фольклора и дававших резко отрицательную оценку отражению в фольклоре социального протеста и классовых противоречий. Нечетко проведено разграничение современных эпических стихотворных сказов и традиционного исторического эпоса; справедливо считая современный эпос новым жанром, Р. С. Липец не подчеркивает при этом особенностей идейного содержания советского эпоса. Диссертантка недоучитывает наличие стилизации нового эпоса под старые былины, нередко встречающейся в поэтической практике некоторых сказителей (например, П. И. Рябинина-Андреева). Отрицание фактов стилизации затушевывает вопрос об особенностях нового героического эпоса и приводит, например, к неверному выведению эпического образа Московского Кремля — символа нашей социалистической Родины — из традиционного образа былины — «стены городовых». Принципиально новый по идейному содержанию образ советского эпоса не может рассматриваться как простое развитие старого, якобы сохраняющего в современных новинах прежнее качество; недопустимость искусственного использования старой формы для создания новых эпических сказаний очевидна. Эти вопросы, подчеркнул В. И. Чичеров, приобретают особое значение в процессе борьбы за советской фольклор, поэтому высказывания о них требуют особенной четкости формулировок. Указанные недочеты, по мнению оппонентов, не снимают признания ценности работы в целом. Диссертация Р. С. Липец, богатая материалами, правильно освещающая основную проблему, впервые осуществляющая этнографический анализ русских былин, должна быть оценена весьма положительно. Диссертантке единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе